

жестокихъ бурановъ, пало нѣсколько сотъ тысячъ лошадей, коровъ и овецъ. Особенно памятенъ киргизамъ 1879 г. См. „Турк. Вѣд.“ № 5, 1892 г. и № 6, 1875 г. См. также V т. „Запис. Восточ. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.“ 1891 г. стр. 322.

22) Мулла-Кубей Токфулатовъ не могъ объяснить, почему „хатъ-и-баратъ“ посланіе Божіе, было написано синими чернилами, а сказалъ только, что Хазрати-Исмаиль-Ата сподобился получить отъ Господа посланіе, какъ говорить объ этомъ народъ, на синей бумагѣ, писанное синими чернилами.

23) Шайтанъ—дьяволъ или сатана. Больше подробное свѣдѣніе о немъ см. въ легендѣ о Ходжа-Ахраръ-Вали въ VI томѣ „Сбор. Матер. для Статист. Сыръ-Дарьин. обл.“ и въ легендѣ о происхожд. Кара-киргиз. въ № 88, „Турк. Вѣд.“ за 1900 годъ.

24) О „джинахъ“ смотр. статью А. Диваева въ V т. „Сбор. матер. для стат. Сыръ-Дар. обл.“, въ отдѣлѣ „демонологическіе рассказы.“ Изд. 1896 г.

25) Хазрати-Исмаиль-Ата жилъ въ мѣстности „Санджабъ“, что между Сарьямомъ и Ташкентомъ. Послѣ смерти отца своего онъ имѣлъ много послѣдователей. См. персид. кн. *Рашид-Ханъ*.

26) Кулачъ ровняется въ среднемъ двумъ съ половиною аршинамъ.

27) Тимуръ-ленгъ (Тамерланъ) родился въ 1333 году и скончался въ 1405 году въ Огратѣ, а тѣло его погребено въ Самаркандѣ, въ особомъ мавзольѣ, устроенномъ еще при жизни имъ самимъ.

28) Буза готовится изъ проса, преимущественно бѣдными киргизами. Она служитъ имъ и питательнымъ продуктомъ и ошьяняющимъ напиткомъ. Кромѣ того, буза можетъ замѣнить, въ крайности, и дрожжи для хлѣбопеконъ. Бузовареніе хотя и преслѣдуется здѣсь администраціей, но дѣло это настолько распространено между пригородными киргизами, что ей трудно бороться съ ними.

29) Аса—подъ этимъ словомъ, какъ объяснили намъ Токфулатовъ, киргизы понимаютъ посохъ или хорошо обдѣланную палку. Изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что палка должна быть изъ дерева „аса“, которое произрастаетъ въ нѣкоторыхъ городахъ Туркестанскаго края.

30) Кошъ—терминъ хлѣбопашцевъ и означаетъ: „пара быковъ“, которыми пахутъ землю. Очень часто и мѣра хлѣбопахотной земли опредѣляется здѣсь по числу кошей, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ.

31) Хаузъ—искусственный прудъ, устраиваемый

туземцами Туркестанскаго края въ садахъ, при мечетяхъ и при домѣ.

32) Ганбъ-Ата, о немъ никакихъ свѣдѣній сообщить не можемъ.

33) Дуваль—глинобитный заборъ, распространенный у мѣстныхъ туземцевъ, отчасти и въ русскихъ частяхъ городовъ края. Онъ строится въ 3—4 „пахса“ (рядовъ). Дуваль въ основаніи имѣетъ около 1½ арш. и, суживаясь постепенно къ верху, доходитъ до 10-ти вершковъ. Каждая „пахса“, т. е. рядъ, имѣетъ въ высоту 1 арш. Для кладки дувала, туземцы имѣютъ особыя желѣзныя лопаты.

ИГРЫ КИРГИЗСКИХЪ ДѢТЕЙ*).

Имѣя въ виду дать тѣмъ, кто интересуется киргизскимъ фольклоромъ, нѣкоторое представленіе объ играхъ и игрушкахъ киргизскихъ дѣтей, я долженъ оговориться, что игрушекъ у киргизъ вообще почти нѣтъ, если не считать куколъ, дѣлаемыхъ дѣвочками, и глиняныхъ лошадей и верблюдовъ, которыхъ лѣпятъ мальчики. Правда, всѣ эти игрушки никакъ не могутъ похвастать своимъ изящнымъ видомъ, но съ антропологической точки зрѣнія эта безыскусственность ихъ и дѣлаетъ ихъ цѣнными.

Когда вы рассматриваете коллекціи европейскихъ игрушекъ, то въ вашемъ умѣ не возникаетъ никакой мысли, кромѣ развѣ мысли объ ихъ стоимости,—что вотъ эта, напримѣръ, будетъ по карману для лица съ шестисотъ-рублевымъ окладомъ, а другая—для лица, получающаго тысячный окладъ. Игрушки эти ничего вамъ не скажутъ о той сферѣ, для которой онѣ предназначаются; онѣ не введутъ васъ въ мірокъ дѣтскихъ мыслей и желаній,—и понятно, почему. Эти игрушки выдѣлываются фабричнымъ путемъ; въ дѣтскую среду онѣ привносятся пзвнѣ, а потому характеризуютъ скорѣе вкусы ихъ производителей, чѣмъ вкусы и наклонности дѣтей, для которыхъ онѣ приобрѣтаются путемъ покупки.

Совсѣмъ не таковы игрушки у дѣтей степняковъ. Здѣсь черномазый киргизенокъ самъ себѣ мастеритъ игрушку изъ

* Игры эти записаны въ Чуйгирской волости, Аулиеатинскаго уѣзда, Сыръ-дарьинской области.

глины въ видѣ верблюда или лошади, а потому послѣдніе всецѣло являются продуктомъ его, мальчугана, творческой дѣятельности.

Что киргизскія дѣти не избалованы игрушками, свидѣтельствуется, на примѣръ, то, что въ отрывкѣ одной колыбельной пѣсни киргизка-мать убаюкиваетъ своего мальчугана слѣдующей пѣсней:

Баю, бай, дитя мое!
Въ люльку бѣлу лягъ, дитя мое!
Ты не плачь, дитя мое, не плачь:
Разбивши кость, дамъ мозгъ тебѣ я;
Хвостъ Байкутана привязавъ
На нитку, дамъ тебѣ я!»...

«Байкутанъ» — кличка киргизской собаки-овчарки, съ большимъ пушистымъ хвостомъ. Хвостъ этотъ, очевидно, привлекалъ вниманіе дитяти.

Прежде нежели приступить къ описанію игръ, мы распредѣлимъ дѣтей по возрастамъ.

Въ киргизскомъ быту дѣтей отъ одного до семи лѣтъ принято называть младенцами (*нарасыда*), отъ 7 до 15 лѣтъ юношами (*бозъ-бала*) и, наконецъ, отъ 15 до 30 лѣтъ молодыми людьми (*джигитъ*). Между играми дѣтей и развлеченіями

юношей, разумѣется, существуетъ рѣзкая разница. Прежде всего мы перечислимъ здѣсь игры дѣтей въ возрастѣ «нарасыда». Онѣ носятъ слѣдующія названія: *сокуръ-теке*, *тивя-тивя*, *кокъ-сыиръ*, *уйчукъ-уйчукъ*, *бурукъ джасурмакъ* и т. д.

С о к у р ъ - т е к е.

«Сокуръ-теке» въ переводѣ значитъ слѣпой козелъ. Игра въ «сокуръ-теке» заключается въ слѣдующемъ. Собираются дѣти и садятся все рядомъ на землю, вытянувъ ноги, при чемъ каждое дитя начинаетъ тереть себѣ колѣни, и все въ одинъ голосъ приговариваютъ: *увалай, увалай*, т. е. «трите, трите!» Затѣмъ все всакиваютъ на ноги, и у кого при всакиваніи хрустнетъ колѣнный суставъ, тому завязываютъ глаза, а остальные дѣти убѣгаютъ въ разсыпную въ разные стороны. Мальчикъ съ завязанными глазами гоняется за бѣгающими, стараясь поймать; когда ему это удастся, онъ обязанъ

назвать пойманнаго мальчика по имени, и если угадаетъ, то пойманный становится «слѣпымъ козломъ»; ему завязываютъ глаза, и онъ продѣлываетъ то же самое, что и первый мальчикъ.

Т и в я - т и в я.

«Тивя-тивя» — это игра въ верблюда. Она заключается въ слѣдующемъ. Дѣти дѣлятся на двѣ группы, при чемъ въ сторонѣ также образуется, небольшая кучка дѣтей. Эта послѣдняя кучка изображаетъ верблюдовъ съ маткою во главѣ. Въ условный моментъ двѣ первыя группы бѣгутъ въ запуски, разбиваютъ третью группу, изображающую верблюдовъ, и выхватываютъ изъ нея одного мальчика, приговаривая: «поймали боту», т. е. верблюженка. И бѣготня эта повторяется до тѣхъ поръ, пока останется у матки только одинъ верблюженокъ (бота).

Послѣ этого верблудица, лишившаяся дѣтей, удрученная горемъ, начинаетъ въ слезахъ творить Всевышнему молитву (намазъ). Пользуясь этимъ временемъ, мальчуганы уворовываютъ у матки и послѣдняго верблюженка. По окончаніи молитвы matka, спохватившись и не видя своего верблюженка, начинаетъ ревѣть и бѣгать кругомъ. Наконецъ, она вбѣгаетъ въ группу дѣтей, гдѣ послѣдніе ловятъ также и ее.

Послѣ того все дѣти соединяются въ одну кучу. Въ это время къ нимъ подходит одинъ изъ участниковъ игры, — мальчикъ съ охапкою хвороста, и обходя каждого изъ играющихъ спрашиваетъ, чего ему нужно. Каждый мальчикъ предъявляетъ къ вопрошающему свои требованія. Кто проситъ ружье, кто халатъ, кто палку, кто сапоги, — словомъ кому что взбредетъ въ голову. И мальчикъ, удовлетворяя требованіе каждого, даетъ всемъ по хворостинкѣ, приговаривая: «вотъ тебѣ ружье; вотъ тебѣ халатъ, сапоги» и т. д. На этомъ и кончается игра въ верблюда.

К о к ъ - с ы и р ъ.

Игра въ «кокъ сыиръ», т. е. въ сѣрую корову, состоитъ въ томъ, что собираются дѣти и садятся въ рядъ. Въ это время, изображая сѣрую корову, подходитъ

къ нимъ мальчикъ и говоритъ:

«Я потеряла свою телку».

— Ес собаки съѣли, уходи прочь! Вѣдь вы, коровы, бодаетесь,—отвѣчаютъ мальчики.

— «А ваши верблюды блажатъ, лошади лягаются...

«А скажите, братцы, какъ мнѣ перейти черезъ рѣчку?» спрашиваетъ корова.

— Перепрыгни!—совѣтуютъ мальчики.

Перепрыгнувъ черезъ воображаемую рѣчку, корова подходитъ къ мальчикамъ.

— «Я не имѣю дочери, которая-бы обшивала меня, не имѣю шила, чтобы сшить себѣ кожаный мѣшокъ *); одолжите мнѣ то и другое»,—просятъ корова.

Хотя дѣти и знаютъ, гдѣ находится телка, но не говорятъ коровѣ.

Такъ корова и уходитъ, не найдя своей телки.

Вслѣдъ за ней дѣти отправляютъ телку, давъ ей свои шапки и халаты, приговаривая: «а это тебѣ пища».

Когда телка возвращается домой, корова говоритъ, «а гдѣ ты была, когда я тебя искала?» и прогоняетъ телку отъ себя.

Прибѣгаетъ телка къ играющимъ мальчикамъ; за нею вслѣдъ скачетъ мальчикъ, изображающій сѣрую корову, и начинаетъ царапать всѣмъ мальчикамъ головы. На этомъ игра кончается.

Уйчукъ-уйчукъ.

Въ эту игру играютъ исключительно дѣвочки, безъ участія мальчиковъ. «Уйчукъ-уйчукъ» это игра въ домики. Обыкновенно дѣвочки берутъ нѣсколько палочекъ и втыкаютъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ въ землю. Затѣмъ сверху набрасываютъ халатъ; такимъ образомъ получается нѣ-

что въ родѣ шалаша, а дѣти воображаютъ, что это настоящая киргизская юрта. Потомъ, раздобывшись нужнымъ количествомъ прутиковъ, изготовляютъ куклы — «коршакъ». Дѣлаютъ онѣ ихъ очень просто. На прутикъ наворачиваютъ бѣлую тряпицу, выводятъ глаза, носъ и ротъ. Затѣмъ одѣваютъ въ разные платья, т. е. въ мужское и женское, смотря по тому,—

какой полъ должна изображать данная кукла. Если женщину, то на голову повязывается платокъ, а если мужчину, то надѣваютъ на куклу шароварики, а на голову нѣчто въ родѣ шапки.

Окончивъ дѣло съ изготовленіемъ куколъ, дѣвочки принимаются играть. Устраиваютъ свадьбу, что выражается въ укладываніи двухъ куколъ мужского и женскаго пола спать. Затѣмъ появляются на сцену маленькія куклы, изображающія дѣтей новобрачныхъ. Дѣти эти потомъ вырастаютъ. Выступаютъ сваты («куда»), и въ заключеніе устраиваются проводы молодой къ мужу. При этомъ весь кукольный свадебный персоналъ сажаютъ на заранѣе состряпанныхъ изъ глины тѣми-же дѣвочками лошадей и верблюдовъ и выпроваживаютъ; тѣмъ и кончается игра.

Бурукъ джасурмакъ.

Для игры «бурукъ-джасурмакъ», т. е. игры въ прятаніе шапки, собираются мальчики и дѣлятся на два лагеря. Одна изъ сторонъ (по жребію) причетъ кому-либо изъ своей партіи за пазуху шапку съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ противнаго лагеря нашелъ ее. Если мальчикъ противнаго лагеря не найдетъ шапки, то его приговариваютъ къ штрафу («опай»). Штрафъ этотъ заключается въ томъ, что мальчику, не нашедшему шапки, закрываютъ глаза, и одинъ изъ играющихъ противной партіи щелкаетъ его по лбу, а присутствующіе спрашиваютъ проштрафившагося, кто его щелкаетъ. Если мальчикъ угадаетъ, то право прятанія шапки переходитъ на его лагерь. Въ томъ и заключается вся игра.

Теперь перейдемъ къ играмъ «бозъ-бала», т. е. юношей.

О р д а.

Въ свѣтлыя и лунныя ночи юноши собираются на заранѣе условленное мѣсто и дѣлятся на двѣ партіи. Одна изъ партій имѣетъ при себѣ лошадиную кость, по возможности бѣлую. Кость эту одинъ изъ участниковъ игры со всего размаху

*) Эта фраза произносится въ рифму.

бросаетъ въ сторону, а затѣмъ все бѣгутъ, чтобы отыскать ее. Нашедшій эту кость, крикнувъ: «кость у меня», стремительно бѣжитъ къ условленному пункту, называемому *орда*, напрягая все силы, чтобы не догналъ его кто либо изъ противной партіи. Если бѣжавшаго съ костью никто изъ противной группы до «орды» не догонитъ, то все члены противной группы берутъ на своей спинѣ того юношу, который нашелъ кость и приближалъ къ «ордѣ», не давши себя догнать.

Тумалакъ-агашъ.

Игра въ «тумалакъ-агашъ», т. е. въ деревянный шаръ, состоитъ въ слѣдующемъ. Выкапывается небольшая яма, около которой стоитъ юноша съ палкою въ рукахъ, а другой тѣмъ временемъ гонитъ шаръ при помощи палки къ ямѣ. Стоящій у ямы юноша отбиваетъ шаръ отъ ямы и всячески старается, чтобы шаръ не упалъ туда. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока гоняющій шаръ не уложитъ его въ яму. Послѣ того роли мѣняются, т. е. шаръ гоняетъ тотъ, который стоялъ у ямы.

Такая игра практикуется и между русскими дѣтьми въ Оренбургѣ, гдѣ ее называютъ игрой «въ мозлы» или «въ клюшки».

Такыя-теббекъ.

Игра въ «такыя-теббекъ» или въ подбрасываніе ногой тибетейки исполняется такъ. Собираются юноши и ставятъ свои тибетейки въ одинъ рядъ на землю, при чемъ каждый начинаетъ подбрасывать свою тибетейку ногой. Но одинъ изъ юношей, а именно, стоящій съ краю, бдительно караулитъ свою тибетейку, дабы кто-либо изъ играющихъ не подбросилъ ногою и его тибетейки. Въ это время подходятъ къ нему все участники игры и стараются подбросить ногою его тибетейку. Однако нападающіе должны выполнить свою задачу такъ, чтобы юноша, окарауливающій свою тибетейку, не пулъ кого-либо изъ нихъ ногою. Если одному изъ нападающихъ удастся отбить тибетейку, не получивъ пинка, то

отбитую тибетейку подбрасываютъ ногами до тѣхъ поръ, пока она не истреплется. Если же окарауливающему удастся кого-либо пнуть ногою, то юноша, получившій пинка, ставитъ на землю свою тибетейку, и игра продолжается въ томъ же духѣ дальше.

Чиликъ.

На землѣ дѣлается маленькая выемка. На выемку эту кладутъ палочку въ четвертьдлиною, — *карушъ-агашъ*. Затѣмъ одинъ изъ играющихъ дѣлаетъ ударъ палкой по «карушъ-агашу», и послѣдняя взлетаетъ кверху. Въ тотъ-же моментъ ударяющій бьетъ ее на лету, и палочка отлетаетъ на нѣкоторое разстояніе. Послѣ того ударявшій «карушъ-агашъ» кладетъ свою палку на выемку, а другой юноша бѣжитъ къ тому мѣсту, куда улетѣла палочка, беретъ ее и оттуда бросаетъ ею въ палку, лежащую на выемкѣ. Если онъ не попадетъ въ нее, то ему назначается *опай*, т. е. штрафъ. Штрафъ этотъ заключается въ томъ, что коротенькая палочка (карушъ-агашъ) забрасывается на далекое разстояніе, и проштрафившійся долженъ бѣжать отъ мѣста паденія палочки до выемки, не переводя дыханія; въ противномъ случаѣ палочка опять бросается, и онъ снова долженъ бѣжать. А чтобы убѣдиться въ томъ, что проштрафившійся дѣйствительно не дышетъ во время бѣга, онъ долженъ кричать все время «а а а а!»

А. Диваевъ.

Промыслы и занятія туземцевъ азіатскаго города Ташкента.

Промыслы и занятія любой народности служатъ между прочимъ и предметомъ этнографическихъ наблюденій какъ видимый признакъ потребностей жизни и дѣятельности населенія. Возможно бо-
тѣе полный списокъ различныхъ ея проявленій въ этомъ отношеніи представляетъ большую цѣнность.

Этнографу нѣтъ дѣла до цифровыхъ отношеній, рисующихъ составъ общества въ экономическо-политическомъ отношеніи, такъ какъ подобные вопросы подлежатъ рѣшенію статистиковъ и

кахъ и простаивать часы за дорогую входную плату. (Да и вообще театръ долженъ для всѣхъ имѣть занумерованныя мѣста для сидѣнія).

Мнѣ думается, что городу не слѣдуетъ ждать пока явятся меценаты-благотворители, и приступить немедленно къ постройкѣ театральнаго зданія. При чемъ театръ долженъ удовлетворять всѣмъ сценическимъ требованіямъ, освѣщаться электричествомъ, для полученія необходимыхъ свѣтовыхъ эффектовъ. Тогда только Ташкентъ увидитъ настоящія оперныя представленія. Такой театръ, быть можетъ, обойдется городу не менѣе 100000 рублей, за то онъ окупитъ затраты и свое содержаніе и можетъ служить для города большой доходной статьей. Вѣдь и сейчасъ за наемъ плохого зрительнаго зала со сценой и освѣщеніемъ платятъ не менѣе 25 рублей, а тогда охотно дадутъ 50 и 75 рублей.

Этой краткой замѣткой далеко не исчерпываются всѣ неотложныя нужды города. Здѣсь мы не коснулись нуждъ образовательныхъ, напримѣръ вопроса о второй женской гимназіи въ Ташкентѣ и увеличеніи числа первоначальныхъ школъ; о постройкѣ второй городской больницы специально для туземнаго населенія; о коренной реформѣ ассенизаціи города; о непрѣмennomъ подметаніи улицъ и площадей, о ежедневной уборкѣ уличныхъ стбросовъ, которые сейчасъ не удаляются, а оставаясь на поверхности и пресасываясь въ почву, привели городъ къ различнымъ эпидеміямъ.

Понятно, этихъ двухсотъ тысячъ далеко не хватитъ на покрытіе всѣхъ предстоящихъ затратъ. И потому Ташкенту не избѣжать городского займа. Это не такъ ужъ опасно для города, какъ того многіе боятся, только бы деньги ушли на дѣйствительныя нужды населенія.

N. body.

Древнія игры киргизской молодежи¹⁾.

I.

Кызъ-уйнагы.

(Игра съ дѣвицами).

У мусульманъ въ теченіе одного года существуетъ два аида (праздника). Одинъ изъ этихъ праздниковъ бываетъ въ мѣсяцѣ Рузъ, а другой въ мѣсяцѣ Курбанъ.

Въ названные праздники всѣ дѣвушки наряжались въ лучшія свои одежды и, собравшись гурьбою отъ цѣлаго рода, отправлялись въ поле праздновать. Дѣвицъ сопровождали и женщины. При чемъ каждая дѣвица имѣла въ рукахъ здоровую палку. По прибытіи въ поле, дѣвицы дробились на мелкія кучки и такимъ образомъ разбредались.

Во время такой прогулки въ полѣ издалика показывались кучками всадники. Это молодые люди изъ другого рода, разряженные также въ щегольскія одѣянія. Подѣхавъ близко къ дѣвицамъ, они слѣзали съ своихъ коней и стремительно бѣгли по направленію къ дѣвушкамъ. Но дѣвицы не обращались въ бѣгство, а оставались на своихъ мѣстахъ. Врѣзавшись въ кучки дѣвицъ, молодые люди ловили ихъ и мiali имъ груди. Тогда дѣвушки жестоко били молодыхъ людей почему ни попало имѣющимися у нихъ въ рукахъ палками. Нѣкоторымъ рас-

краивали головы, а инымъ переламывали руки. Не выдержавъ дружнаго нападенія дѣвицъ, молодые люди, садясь на своихъ коней, быстро удалялись.

Однако такая неудача ихъ не смущала,—они вновь незамѣтно атакывали дѣвушекъ, быстро стремились къ нимъ, соскакивали также быстро съ коней и вновь врѣзывались въ группы ихъ.

Молодые люди упорно преслѣдовали

¹⁾ Переводъ съ рукописи киргиза Ташкентскаго уѣзда, Акъ-джирской волости, Мулла Кубея Токъ-фулатова. Многое въ рукописи осталось безъ перевода, такъ какъ совершенно не удобно для печати. Интересующихся всѣми подробностями „Древнихъ игръ киргизской молодежи“, отсылаемъ къ тексту.

одну лишь цѣль, — это добратся до дѣвичьихъ грудей, не взирая на опасность быть тяжело раненымъ, или даже убитымъ.

Нанеся въ такихъ случаяхъ неумышленный смертельный ударъ кому либо изъ молодыхъ людей, дѣвушки ничѣмъ не расковали, по извѣстной киргизской поговоркѣ: «Кызданъ улыгендынгъ куны джокъ», т. е. за убитого дѣвицей, куна¹⁾ не платятъ.

Присутствуя все время на этихъ играхъ, женщины никакого участія въ нихъ не принимали и не оказывали никакой помощи ни дѣвушкамъ, ни молодымъ людямъ.

Такія игры существовали, по соображенію нашему, приблизительно, двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ.

II.

Кызъ-начаръ

(игра въ «бѣгство дѣвицы»).

Разгаръ одного изъ упомянутыхъ выше двухъ праздниковъ. Въ роскошной юртѣ у именитаго богача сидитъ его дочь невѣста. Сидитъ она и ждетъ, по примѣру прошедшихъ ранѣе праздниковъ, своего нареченнаго кіяу (жениха).

Пріѣзжаетъ онъ всегда на праздники въ сопровожденіи многихъ расфранченыхъ молодыхъ людей своего аула, имѣя подъ собой прекраснаго коня, какъ и спутники его.

— Надо устроить «кызъ-начаръ» — рѣшается баи (богачъ). Вотъ подводятъ къ дочери-невѣстѣ лучшаго скакуна, какого только можно было отыскать, на котораго она садится, разодѣтая въ дорогія одежды; ея сопровождаютъ на коняхъ прочія дѣвицы и женщины, также разодѣтыя по праздничному.

Всѣ въ сборѣ. Невѣста указываетъ жениху намѣченный пунктъ, до котораго она поскачетъ. Вотъ она съ силой стегнула нагайкой своего коня, который и помчался что есть мочи.

Женихъ скачетъ за нею, а невѣста напрягаетъ всѣ силы, чтобы ускользнуть.

¹⁾ Куна, или правильнѣе — хуна, т. е. цѣна за кровь.

къ условленному мѣсту, не давъ возможности догнать себя.

Однако женихъ догоняетъ ее, она отбивается отъ него нагайкой, но онъ, не смущаясь этимъ, стремится къ заветной своей цѣли — поймать ее за грудь.

Такимъ образомъ, если жениху удастся догнать невѣсту, не доѣзжая до условленнаго мѣста, то послѣдняя обязана проскакать еще разъ до того мѣста, откуда скакала ранѣе и гдѣ остались ея подружки дѣвицы. Затѣмъ послѣ невѣсты и жениха уже скачутъ въ одиночку тѣ дѣвицы, которыя тутъ присутствуютъ, а преслѣдуютъ ихъ тѣ молодые люди, которые прибыли съ женихомъ, стремясь къ тому-же, къ чему стремился и женихъ.

Иногда случается, что ловкая и сильная дѣвица, при нападеніи молодого человека, сбиваетъ его даже съ лошади.

Поворъ тому молодому человеку, который, скача за дѣвицей, не догонитъ ее. Потому что она въ это время поворачиваетъ коня къ преслѣдующему, наноситъ ему нѣсколько ударовъ нагайкой и опять скачетъ отъ него, оставивъ далеко за собою, а иногда даже вышибаетъ его съ сѣдла. Подвергшійся такому сраму молодой человекъ обязанъ былъ заколотъ животное и угостить присутствующихъ варенымъ мясомъ этого животного. Если же дѣвица падала съ лошади во время столкновенія съ молодымъ человекомъ, она ничего не платила въ штрафъ.

III.

Дамбаль Салды.

(игра въ «сбрасываніе панталонъ»).

Настаетъ день проводовъ невѣсты къ жениху. Для этой цѣли созывается все ближайшее общество на «той»; рѣшается для угощенія прибывшихъ гостей не малое количество животныхъ. На той этотъ стекаются дѣвицы и женщины этого рода. Всѣ онѣ разодѣты въ лучшія свои одежды. Послѣ сытнаго угощенія молодежь садится на лошадей и спѣшитъ на кокъ-бури (рвать козла). А дѣвицы и женщины, также насытивъ свои

желудки, собираются въ той юртѣ, въ которой происходитъ той. Если юрта эта не вмѣщаетъ ихъ всѣхъ, то оставшіяся помѣщаются въ другихъ юртахъ и садятся по-парно одна противъ другой. Дѣвицы и женщины въ кокъ-бури никакого участія не принимаютъ.

Окончивъ кокъ-бури, молодежь приступаетъ къ б а й г ѣ (скачкамъ). Такимъ образомъ развлеченія ихъ продолжаются до вечера, а затѣмъ всѣ возвращаются

въ аулъ и, не заходя въ юрты, гдѣ помѣстились дѣвицы съ своими матерями, садятся по-парно снаружи этихъ юртъ около самыхъ боковыхъ рѣшетокъ ихъ (кереге) и начинаютъ громко уленъ (пѣсню). Выслушавъ пѣсню молодыхъ людей, каждая дѣвица отвѣчаетъ пѣніемъ тому молодому человѣку, который сидѣлъ противъ нея и пѣлъ ей. При чемъ дѣвица повторяетъ тѣ же слова пѣсни, которыя произносилъ молодой человѣкъ.

Такое пѣніе продолжается до разсвѣта. При этомъ въ юртѣ все время горитъ огонь, такъ что присутствующія дѣвицы, женщины и молодые люди имѣютъ возможность видѣть другъ друга. Затѣмъ на разсвѣтѣ, когда молодые люди уже начинаютъ расходиться домой, дѣвицы дарятъ имъ кольца и браслеты.

На слѣдующій день вечеромъ дѣвицы и женщины опять собираются въ тѣхъ юртахъ, въ которыхъ онѣ были наканунѣ; послѣ нихъ сходятся и молодые люди. Сегодня они должны пѣть особую пѣсню подъ названіемъ тартысъ, которая и поется до полуночи.

Послѣ окончанія этой пѣсни молодые люди, не имѣющіе родства съ тѣмъ ауломъ, въ которомъ происходитъ той, разѣзжаются по домамъ, а остаются лишь тѣ мужчины, дѣвицы и женщины, которыя связаны родствомъ.

Теперь настаетъ часъ вѣнчанія (н и к я) и помѣщенія молодыхъ въ отау (новую юрту).

Приглашаютъ муллу, чтобы совершить обрядъ вѣнчанія. Послѣ вѣнчанія и прочтенія молитвы х у т б а, собираются ввести обвѣнчанную дѣвицу въ отау.

Теперь вотъ только приближаемся мы къ игрѣ «дамбалъ-салды».

Предъ вами разостланный коверъ. Женщины сажаютъ на него невесту, тутъ же помѣщаются и нѣсколько дѣвицъ. Затѣмъ женщины берутъ коверъ за края, поднимаютъ его и, взявъ и хныкая, несутъ въ великолѣпно убранный, устланный коврами и дорогими одѣялами отау. Внеся невесту въ отау, женщины готовятъ пышное брачное ложе.

Окончивъ это дѣло, они приводятъ жениха въ отау и говорятъ ему: «вотъ эту дѣвицу отдаемъ тебѣ, чтобы ты обратилъ ее въ жену, но съ тѣмъ условіемъ, если ты подымеешь ее на руки и снесешь на приготовленное ложе». Женихъ исполняетъ порученное ему дѣло, а дѣвицы, сидѣвшія на коврѣ съ невестой, и прочія женщины немедленно удаляются. Въ отау остаются только д ж е н г е (друзки) жениха.

Огонь погашенъ, темно...

— Ты лежишь теперь съ нареченной своей невестой. На обязанности твоей лежитъ ся невинности... Начинай, начинай, — попускаютъ дружки жениха, сидя въ потемкахъ въ отау.

Невеста въ трепетѣ жметъ, не снимаетъ панталонъ. Женихъ настаиваетъ.

Послѣ настойчивыхъ требованій дружекъ, дѣвица невольно подчиняется ихъ приказанію.

Проходитъ еще немного времени и... невинность отлетаетъ отъ дѣвицы.

Женихъ зажигаетъ огонь, осматриваетъ посланную бѣлую ткань и не безъ удовольствія замѣчаетъ на ней красныя пятна. Ткань эта моментально переходитъ въ руки одной изъ дружекъ, которая спѣшитъ представить таковую матери невесты и получать съ нея с у ю н ч у¹).

Такой благополучный исходъ доставляетъ немало радости и жениху, и невестѣ съ матерью, и дружкѣ.

Теперь, однако, мы должны замѣтить, что игра въ «дамбалъ-салды» имѣетъ че-

¹ Вознагражденіе за радостную вѣсть.

тыре послѣдствія. Одно изъ послѣдствій, какъ мы уже сейчасъ наблюдали, радостное, а три послѣднихъ имѣютъ непріятный и даже печальный исходъ.

Напримѣръ, молодой человѣкъ, при неоднократныхъ посѣщеніяхъ своей невесты, пользуясь небдительностью друзей, лишилъ невинности невесту, и это было обнаружено друзьями послѣ первой брачной ночи, то такой женихъ мало того что подвергался укорамъ, но объ этомъ его поступкѣ друзья доводили до свѣдѣнія всѣхъ мужчинъ аула и въ довершеніе распарывали животъ лошади, на которой ѣздили женихъ.

Это первый поводъ къ непріятнымъ послѣдствіямъ. Теперь второй:

Если женихъ въ первую брачную ночь убѣждался, что невеста его лишена уже невинности постороннимъ мужчиной, то онъ объ этомъ немедленно заявлялъ друзьямъ. Тогда женихъ получалъ кромѣ своей скомпрометированной невесты еще и калымъ обратно. Если же онъ не удовлетворялся этимъ, то ему давали взаменъ калыма одну невинную дѣвицу и въ придачу его невесту съ изъясномъ.

Наконецъ третье непріятное послѣдствіе заключалось въ слѣдующемъ.

Если женихъ до свадьбы никогда не посѣщалъ невесты и послѣ первыхъ брачныхъ ночей было установлено, что онъ не способенъ къ супружеской жизни, то онъ лишался своей невесты и ему возвращалась только малая частица ранѣе уплаченнаго калыма, и онъ съ позоромъ разставался съ дѣвицей и ея родителями.

Въ заключеніе мы здѣсь сообщимъ одну каракиргизскую старинную игру между молодежью. Надо замѣтить, что всѣ ихъ игры происходили ночью.

Дѣвичьи игры обыкновенно устраивались у каракиргизовъ весной и осенью. Одна изъ интересныхъ игръ у нихъ называлась джетты, кетты. Она заключалась въ слѣдующемъ. Въ одну изъ ночей собирались въ степи каракиргизскія дѣвицы, сюда сходились и молодые люди. Дѣвицы и парни бѣгали въ запус-

ки, забавлялись разными играми, а передъ разсвѣтомъ каждая дѣвица выбирала себѣ по душѣ молодого человѣка и скрывалась съ нимъ въ кустарники или въ лѣсъ. Только уже утромъ дѣвушки возвращались въ аулъ.

Мы склонны подозрѣвать, что большинство каракиргизскихъ дѣвушекъ, увлеченныя молодыми людьми, находясь въ ночное время съ ними глазъ на глазъ въ лѣсу, лишались дѣвственности еще во время этихъ игръ и поэтому многія изъ нихъ выходили въ замужество далеко не безупречными.

Про нашихъ киргизскихъ дѣвушекъ этого сказать нельзя, потому что всѣ ихъ игры происходятъ и происходили днемъ, въ присутствіи матерей или постороннихъ женщинъ.

А. Диваевъ.

Частный горный промыселъ.

За послѣднее время мѣстная печать удѣлила часть своего вниманія вуждамъ частной горнопромышленности въ Туркестанскомъ краѣ. Съ одной стороны г. Гномомъ высказаны были въ корректной формѣ сѣтованія на замедленіе въ исполненіи прошеній горнопромышленниковъ о выдачѣ дозволенныхъ свидѣтельствъ на развѣдку полезныхъ ископаемыхъ. Съ другой стороны неизвѣстный авторъ на столбцахъ *Среднеазиатской Жизни*, воспользовавшись справками по частному случаю выдачи свидѣтельствъ двумъ лицамъ, бросилъ мѣстному управленію земледѣлія и государственныхъ имуществъ тяжкій упрекъ на дѣленіе просителей на угодныхъ и негодныхъ. Этотъ выпадъ былъ отпарированъ г. начальникомъ названнаго управленія А. И. Пильцъ особымъ опроверженіемъ, которымъ, между прочимъ, было указано, что подобнаго дѣленія просителей не существуетъ. Кромѣ того, было напечатано много мелкихъ замѣтокъ на темы о развитіи въ краѣ частной горнопромышленности, о стѣсненіи ея нѣкоторыми распо-

людей сего міра и производить на послѣднихъ весьма благодатное дѣйствіе.

Киргизы безусловно убѣждены въ происхожденіи кумая отъ ить-ала-казъ, и всякія попытки наши увѣрить нѣкоторыхъ изъ нихъ въ противномъ остались тщетны; въ отвѣтъ на свои доводы мы получали лишь снисходительную улыбку.

Убѣжденія эти на столько сильны и искренни, что даже передаются и современному молодому поколѣнію. Такъ, напримеръ, намъ случалось говорить съ нѣкоторыми юношами киргизами, получившими воспитаніе въ русскихъ школахъ и, слѣдовательно, вкусившими, до нѣкоторой степени, европейское образованіе; и тѣ неохотно поддавались нашимъ взглядамъ, поддерживая убѣжденія своихъ собратьевъ.

Вообще, если поинтересоваться кочевымъ киргизскимъ бытомъ, можно добыть много цѣннаго и интереснаго матеріала по этнографіи, не бывшаго еще никогда въ печати. Между тѣмъ всѣ эти матеріалы, а даже добрая часть киргизской поэзіи, въ недалекомъ будущемъ отойдутъ въ вѣчность, благодаря быстрому влиянію на киргизъ осѣдлой узбекской культуры.

Вся бѣда въ томъ, что у кочевниковъ нѣтъ ничего писанаго, не говоря уже о печатномъ; до сего времени у нихъ все передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе устно.

Всѣ тѣ старики-представители, если такъ можно выразиться, киргизскаго эноса, которыхъ не коснулась узбекская цивилизація, быстро вымираютъ, не оставляя по себѣ никакого воспоминанія и унося съ собою въ могилу все, что имъ было извѣстно о родномъ киргизскомъ народѣ.

А. Диваевъ.

Какъ киргизы развлекаютъ дѣтей.

Кто побывалъ хотя бы короткое время среди киргизъ, тотъ знаетъ ихъ чадолюбіе. Міръ киргизскихъ дѣтей не притязателенъ въ средствахъ развлечения. Вотъ картина семейной жизни киргизъ, живо напоминающая намъ знакомыя „ладушки“.

Когда ребята (или даже одинъ ребенокъ) сидятъ и сильно плачутъ, то вотъ способъ прекратить ихъ плачъ уловкой. На-

примѣръ, быстро схвативъ рученку ребенка, начинаютъ считать его пальцы вотъ какъ: взявъ большой палецъ ребенка говорятъ:

„Займемся воровотвомъ (скота)“. Схвативъ указательный палецъ, провозносятъ: „Коль заняться, такъ займемся“. Взявъ средний палецъ, говорятъ: „А какъ съ Богомъ быть“. Схвативъ безымянный палецъ, провозносятъ: „А что же Богъ сдѣластъ“. Взявъ мизинецъ ¹⁾, восклицаютъ: „Давай сюда, зарѣжемъ!“

Послѣ того, взявъ другую рученку, вновь въ такомъ же порядкѣ начинаютъ пересчитывать пальцы ребенка и каждый разъ заканчиваютъ приговаривая: „берланъ, черланъ, атыгъ, кагыгъ, отыгъ“.

Сообщилъ это намъ Иркэмбекъ Ахенбековъ, киргизъ Ногай-Куринской волости Чимкентскаго уѣзда, Сыръ-Дарьинской области

Его сообщеніе представляетъ не малый интересъ, такъ какъ вноситъ кое-что новое въ сообщенія Г. Н. Потанина, касающіяся сибирскихъ киргизъ и появившіяся въ его трудѣ: „Очерки сѣверо-западной Монголіи“. Результаты путешествія, исполненнаго въ 1879 году по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, выпускъ IV. Матеріалы этнографическіе. С.-Петербургъ 1883 года. Названіе пальцевъ руки по киргизскимъ урало-алтайской семьи народовъ приведены на страницахъ 144, 145 и 941.

Къ сожалѣнію, томъ второй этого труда, заключающій этнографическіе матеріалы о киргизахъ, въ Туркестанской публичной библиотекѣ не нашлся, такъ что сдѣлать необходимое сравненіе и сопоставленіе мы не можемъ.

А. Диваевъ.

¹⁾ Пальцы у киргизъ носятъ слѣдующія обыкновенныя названія: 1. *Баст-бармакт* (большой палецъ). 2. *Сокъ-кулъ* (указательный палецъ). 3. *Орта-бармакт* (средній палецъ). 4. *Атыдзсокъ-бармакт* (безымянный палецъ) и 5. *Чина-такъ* (мизинецъ). Кромѣ того, каждый палецъ, за исключеніемъ большого пальца, носитъ особое, для забавы дѣтей названіе. Такъ напримѣръ: указательный—*балламы-уйрекъ* (утки съ утатами), средній—*ортавъ-терекъ* (средній тополь), безымянный—*чылдыръ-чумекъ* (струящийся кантъ) и, мизинецъ, мизинецъ—*кечкентай-бубекъ* (пальчикъ малютка).